Александр Щука

Капитан...

Александр Петрович Шука родился 13 февраля 1962 года в г. Кривой Рог Днепропетровской области УССР. В 1984 году окончил противолодочный факультет ВВМУ им. Фрунзе в городе Ленинграде и был направлен в город Севастополь для прохождения дальнейшей службы. До 2000 года служил на кораблях и частях Черноморского флота, капитан 3 ранга запаса. Трудовую деятельность на гражданке начал в городе Балтийск Калининградской области. В 2008 году с семьей постоянное переехал на место жительства станицу Кутейниковская Зимовниковского района Ростовской области. Женат, имеет дочь и трех сыновей. Стихи начал писать со школьной скамьи.

Александр **Щуқа**

Капитан...

Стихотворения

Альтаир Ростов-на-Дону 2018 ББК8

Щ

Александр Щука

Капитан...: Стихотворения/ Александр Щука. – Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир». 2018. 144 стр.

Автор книги «Капитан» Александр Щука — личность многогранная, в недавнем прошлом капитан 3 ранга Военно-морского флота. В настоящее время он служит на посту Главы Кутейниковского сельского поселения Зимовниковского района Ростовской области. Это первая книга Александра Петровича, в которой он с любовью пишет о Родине, о службе на флоте и любви.

КАПИТАН

* * *

В туманной дымке скрылся берег. Вдали остался отчий дом, А впереди морские мили, Ночные вахты с тревожным сном.

А впереди лишь гул металла Да крики чаек за кормой, Солёный ветер океана И образ твой такой родной.

На всех морях, на всех просторах И в шторм, и в ветер, верю я, Твои глаза, твои ладони Согреют сердце моряка.

И верю, что не за горами Полоска та родной земли, Где мы любовь свою согрели И в ожиданье сберегли.

Тревога

И была ночь, А утро только будет. Придёт, лаская взглядом, Но не нас. Нам спать не дал Настырный вой тревоги Кому-то в первый, А кому-то в сотый раз.

Что ж, пусть на койках Досыпают наши сны, Пусть там кому-то Улыбаются девчата. Мы, время обгоняя, поднялись, Ругая всё с упрёком, Но без страха.

И вот уже в строю, Чеканя каждый шаг, За метром метр Мы отдаём все силы. И врезался нам в плечи автомат, В комке все нервы, Словно струны, жили.

А командир - наш бог Кричит: « Вперед! Нам не простят Секунды промедления!» И сотни ног удалых молодцов За метром метр Отсчитывают мгновения.

Мне не жить без тебя и дня, Как не жить без музыки песне. Как солнцу не жить без тепла, Как не жить Доброте без Чести.

Ты во мне каждый час и миг, Чтоб ни делал, и где бы я ни был, Ты, как в поле живой родник, Мне найти помогаешь силы.

Если трудно мне станет вдруг Средь штормов многодневных будней, Голос твой, теплота твоих рук Снимет грусть, мир не будет так скучен.

Моя радость и грусть моя, Чем смогу я тебе ответить, Кроме взмаха с кормы корабля, Кроме слов, что подхватит ветер.

Кроме дней ожиданий, разлук, Встреч заветных и долгожданных. Моя жизнь — заколдованный круг, И в этой жизни нет тебя желанней.

Кораблю

Стоишь, свои швартовы На палы забросив... Усталый и обветренный в морях. Ты не привык Толкаться у причалов, Ты не привык Стоять на якорях.

Ты не привык В спокойной глади гавань Концы свои буксирам подавать. Ты не привык других Печальным взглядом В безбрежные просторы провожать.

Причалы

Грустят причалы — Корабли уходят в море, Забрав у грунта Якоря свои. Грустят причалы — Ведь они в неволе И им не оторваться От земли.

Не бросить вызов Злой стихии И не поспорить С ветром в шторм. Грустят причалы — Корабли уходят в море. В счастливый путь! Семь футов под килем!

Отозвалась тактом музыки эстрада. Я направился к тебе — ты рада. Пригласил, взял тебя под руку, В вальсе закружились мы по кругу.

Я старался из всех сил, ты же рядом, Ты меня благодарила взглядом. Жаль, что вечер окончился так рано, Замолчало в углу фортепиано,

Я иду с тобой в молчании, Сам себя не узнаю в отчаянии. Губы алые твои, как роза, А у меня всё не стихи, а проза.

Пробегают люди мимо под дождём. Этот дождик мы, пожалуй, переждём. Отойдём мы с тобой под арку, Будешь рада моему подарку.

Подарю я милой астры, Как глаза её прекрасны, В них от счастья глубина, а не мели. Мы теперь с тобою оба онемели.

Всё ж скажу тебе, чтоб сердце не болело, Выбрал я себе нелёгкое дело. Я служу по чести и по долгу, Ждёт разлука нас с тобою надолго.

В море я ухожу на полгода, Ведь такая мужская работа. Но хочу, чтобы с приходом у причала Ты меня, моя хорошая, встречала.

Не до театра

В. Назарову

Мне сейчас не до театра, Мне не надо бельэтажа, У меня в мазуте руки И лицо черно, как сажа.

Мне сейчас не до актёров. И не нужно петь мне арий. Мне б комбез отмыть от пота, Мне бы избежать аварий.

Не нужны мне крики «браво», Град цветов и гром оваций. Мне б запчасть добыть без боя И без гор документаций.

Пусть герой под охи, ахи Передумал застрелиться. Мне б упасть лицом в подушку И хотя б на час забыться.

Не нужны переживания, Назначения на роли. Мне всё ясно – я механик На военном пароходе.

На рейде

Как лошадь взнузданная, Я стою на рейде. Волна, как плеть, Стегает мне борта. И рвётся телеграф На «самый полный», Чтоб вновь в галоп, Чтоб с пеною у рта.

Чтоб ветер выл
На ноке реи
И в бешенстве
Рвал в клочья облака.
Чтоб только шторм
Мог обнимать за шею
И гладить мускулистые бока,

Чтоб только соль седая – Как награда, Чтоб только штиль – Короткий отдых мне. Чтоб я, домой вернувшись, Якорями Мог свой поклон отдать Родной земле.

Если море пенится, Значит, море сердится. Значит мили долгие Ждут нас впереди. Значит, глазки девичьи Снова станут мокрыми, Но не плачьте, милые, Встречи впереди.

Ведь мы придём, Сквозь ветры и туманы, Морские волки, Лихие мареманы. На берег медленно Сойдем вразвалочку. Привет вам, Сони, Светы, Вали, Танечки.

И жадно с вами Мы нацелуемся. Ночами звёздными, Пройдем по улицам. Но море вновь зовёт, От злобы пенится. Что нас так долго нет, Штормами бесится.

В бокале пиво, Словно море, пенится. Гуляй, братва, Братишка женится. Ошвартовался, Причалил к берегу. Но только в шторм Нет места дома моряку.

Что наша жизнь? Судьба бродячая. Разлука долгая. Слеза горячая. Ветра солёные И губы робкие. Дни в ожидании, Надежды полные.

Прости

Был тёплый вечер, пахнувший весною. Был вечер догорающей любви. Ты говорила: «Мы не будем вместе», А я стоял и всё не мог уйти.

Ты говорила мне: «Прости, любимый, Но разные у нас с тобой пути. Твой выбор там, где волны выгибают спины И где стоят на страже корабли.

Вся жизнь твоя в командах командиров, И нервы все твои стоят на «товсь», И землю меряешь ты, по привычке, в милях Да и на земле ты не хозяин – гость»

Ты говорила, но всё тише, тише Улавливал я голос твой в тиши, Лишь в голове моей звучало глухо: «Прости меня, прости меня, прости!..»

Я не сказал тебе ни слова, Да и слов таких мне не найти. Иду туда, где волны гнут о берег спины И где томятся в ожиданье корабли.

Потерянный вкус

Теряем вкус К истории искусства, Когда в каюту Возвращаемся с дежурства. До лампочки нам Прелести зингшпиля, Когда нас ждет ещё Не пройденная миля.

Кто написал,
Пусть будет не в обиде
За «Ифигению в Авлиде»
И в Тавриде.
Видать нам эту
«Ифигению» повсюду:
И в трюме,
И разбросанной по юту.

Нам дела нет До шуток оперетты, Что написали Филидор, Руссо и Гретри. Когда застанет Спящих нас тревога, Не хочется нам слушать Даже бога.

Не Паизиелло, Монсиньи, Пуччини, А лишь старпомы, Лишь командиры Преподают нам Каждый день культуру, Что развивает в нас Гармонию, фактуру.

Меняются пусть жанры, Формы, фуги.
Останутся лишь вечно Горна звуки,
Который каждый день «Зарю» поёт,
И, значит, полон сил Наш славный Флот.
Так пусть нам горн «Зарю» поёт!
Пусть крепнет и мужает Славный Флот!

Бумажный флот

Забыты шишки, синяки. Играют дети в моряки. По лужам босиком и вброд, Где на плаву бумажный флот.

Простая детская игра — Бумажный флот Средь грязных луж. Такая детская игра — Бумажный флот До зимних стуж.

Своим названием горды, Ведут сраженья корабли, Не зная, что предрешено, Кому в «князья», кому на дно.

Проходят дни, за годом год. Живёт игра в бумажный флот. Только стальные корабли Теперь бумажные внутри.

Простая взрослая игра — Бумажный флот-Чинов испуг. Такая взрослая игра — Бумажный флот Средь крепких рук.

Внезапна тревога. Объявлен аврал. Опять покидаем знакомый причал. Шпили вырывают со дна якоря. «Машины, вперед! Право руля!»

Кто там задержался? Выравнивай строй! Пеленг... Дистанция... Я — флагман, за мной. Нам некогда ждать и слюни пускать. Нам только б успеть, нам только б догнать.

Форштевнем тараня тугую волну, Клянём мы себя за свою глухоту. Напрягшись, хватаем подводный эфир И ходим на грани физических сил.

И нет больше ночи и нет больше дня, И, словно в насмешку, глубин тишина. И, словно икона, прибора экран... Тревога! Внимание, есть эхо-сигнал!

Волненье заметно, усталость не в счёт. Теперь начинаю особый отсчёт. Как колокол громкого боя, мой пульс... Но, к черту, ложусь на проверенный курс.

Аппараты на «Товсь»! Аппараты «Пли!» Торпеды сорвались, как жадные псы, И, в мили вгрызаясь сквозь толщу воды, Уносятся прочь – под чужие винты.

Взреветь бы сиреной и небо распять. К друзьям наклониться и жадно обнять

Всех тех, кого вел я всегда за собой. С кем ветром делился, солёной волной.

Кто борт свой не прятал за корму мою Пока что в учебном, но трудном бою... Но побоку чувства. Получен сигнал «Воздушный противник ... По готовности – залп!»

«Безукоризненный»

Мы возвращаемся, обветренные морем. Привет вам шлём, родные берега. И твёрдо знаем, что не будет больше горя, Пока крепка ещё матросская рука.

«Безукоризненный» — Штормами признанный. Друг боевой и дом родной. «Безукоризненный» — Нам службой избранный, Не опозорим флаг твой Бело-голубой. «Безукоризненный» — Нам службой избранный, Пусть гордо реет флаг твой Бело-голубой.

Нас не страшат ещё не пройденные мили И пусть швыряет нас солёная волна. Любой приказ нам выполнить по силам, Ведь хлеб не даром ест матросская семья.

Туманный сигнал

Пеленою туман
Завязал нам глаза.
И свои якоря
Приспустили клюза.
Шарит водную гладь
Монотонно радар
И сорвался как крик
Ввысь туманный сигнал.

Плеск воды за кормой, И тревога — на всех. Где-то там впереди Гряда траурных вех. Но туман слепотой Нам съедает глаза, И туманный сигнал Снова рвёт небеса.

Запотел телеграф От тепла крепких рук. Каждый шорох морской Жадно ловит наш слух. Вправо, влево нельзя, Сжат сильнее штурвал И летит над водой Вновь туманный сигнал.

«**A30B**»

Вы опросите всех на Чёрном море, И скажет каждый вам без лишних слов, Что лучший боевой корабль на флоте – Большой противолодочный «Азов».

Всегда готов он к бою и походу, И никогда врагу не взять врасплох Того, кто возмужал среди авралов, Среди учений, вахты и тревог.

Пусть люди твёрдо верят в нашу силу. Спокойно дети спят и видят сны. Стоят на страже правнуки гвардейцев, Большой Отчизны верные сыны.

«Красный Кавказ»

Упругий ветер бьёт нам в лица, Но вторим мы который раз: «Родное море – как граница, Как часовой – «Красный Кавказ».

Это судьба – служить три года, Это за честь – гвардейский флаг. Склони-ка голову, пехота, Когда идёт в строю моряк.

Родной причал ночами снится, Но прозвучит скупой приказ И, позабыв опять проститься, Уйдет в моря «Красный Кавказ».

Тельняшка

От подъёма до отбоя, От заката до зари Вновь на пройденные мили Делят море корабли. Ветер в мачтах затерялся, За кормой одна вода. Полосатая тельняшка, Как судьба у моряка. Среди встреч и расставаний Отчего – мы не поймем – Дома ночью море снится, В море ночью снится дом? Но ни слева и ни справа Не видать тебя, земля. Полосатая тельняшка, Как судьба у моряка. Крикнет чайка за кормою Или проблеск маяка Знать, порог родного дома Нас зовёт издалека. Мы сойдём гурьбой на берег, Спросим: «Как дела братва?» Полосатая тельняшка, Как судьба у моряка. День за днём пройдут недели. За неделями года. Станет твёрдою походка, Станет верною рука. А когда простимся с морем, На груди будет всегда Полосатая тельняшка, Как судьба у моряка. 1988

От обиды и боли Забытая взвыла природа. Море ярость швырнуло Свою на дыбы. И, отхаркиваясь пеной, Глотая солёную воду, Позабыв о земле, Свою службу несут корабли.

Волна рвёт их борта
Ветром горьким пронзает надстройки.
И с надрывом стальным
Тянет песнь гребной вал.
А в отсеках жилых
Пот росой окропил переборки,
И в плену тошноты
Снова снится родимый причал.

Оголяют клыки, словно волки, Подводные камни. Холодна и черна Их, пропахшая гибелью, пасть. И как важно в тот час под удар Не подставиться бортом. Не скулить, не стонать, не споткнуться, Стерпеть, не упасть.

Сильней шторма бывают Лишь только матросские руки. Жарче пекла лишь кровь, Что кипит в этих юных сердцах.

Никогда никому не поставить Таких на колени И заставить предать и продать, Страх увидев в глазах.

За кормой остаются Суровые, трудные мили. Уже виден прибой, Что ласкает полоску земли. Чуть серьёзней, чуть старше Из похода приходят мужчины. И седыми, приходят домой корабли.

Дочкина обида

Дочке Оксане

Снова утром я хожу сердита, Мама не поймёт никак меня. Что мне делать? Вновь ушёл на службу Папа мой, а я ещё спала.

А ведь так хотелось встать пораньше, Сделать ему чай и бутерброд И сказать: «Ты приходи скорее, Дома тебя мама очень ждёт!»

Вот теперь я ничему не рада, Мама злится и меня корит. Ей бы так, и у неё бы тоже, Сон пропал, покой и аппетит.

И с подружками весь день играя, Места я себе не нахожу. Вот придёт домой со службы папа, Как ему в глаза я погляжу?

Изревелась, делать что, не знаю. И, наверно, я вот так решу: Утром проводить на службу папу С вечера я маму попрошу.

Капитан

Ты уверен в себе, Несёшь гордо свой крест. И не страшен тебе Ни норд-ост, ни норд-вест. Твои мысли дерзки, И послушен корвет, И на каждый вопрос Приготовлен ответ.

Капитан!
Ты пропитан и солнцем, и морем!
Капитан!
Ты пропитан победой и горем!
Соль съедает виски,
Тело ноет от ран,
Капитан, капитан!

Ты удачей наполнил свои паруса, И за тысячи миль море знает тебя. Гордый флаг твой врагов Заставляет бледнеть, И в ответе один ты За жизнь и за смерть.

Рвёт форштевень волну, Ревёт ветер в компас, Стынут черти в аду, Глядя сверху на нас. Ты ж спокоен, как бог, И тебе не дано, Не исполнив свой долг, Лечь с корветом на дно.

Крамола

Я служу: ни кола, ни двора. До чего ж меня жизнь довела. У кого я в долгу? Всё понять не могу, Не могу! И живу: ни гроша, ни рубля. Видно, зря меня мать родила. Сколько лет — столько бед. И лишь слышу в ответ: «Схода нет!»

Мои мысли – лишь чей-то приказ. Всё решает начальство за нас. Но в глубокой ночи Забираются в сны, Эх, крамольные мысли мои!

Каждый день от зари до зари Меня ждут домочадцы мои. Без меня, как без рук, И жена всплакнёт вдруг: «Где супруг?» Отчего ж не мила так судьба, Что за грех на душе у меня, Что верчусь, как в аду, Что хожу, как в бреду? На беду!

Я горд своим званьем, Ведь я — лейтенант. Во мне бьёт какая-то сила. Закрою глаза и представлю, что есть И дом, и машина, и вилла.

А в квартире опять нет воды, А в продмагах еда за талоны, Но снятся по-прежнему райские сны, Что звёзды ловлю на погоны.

Прошли те года... Я уже капитан. И жизнь кое-чему научила. Ещё протянуть бы немного, а там — Бесплатно салют да могила.

А дома ребёнок не ходит в детсад. Проблемы то с солью, то с мылом. Союзу служил я, теперь говорят, Отечество нас позабыло.

К меридианам грёз, Где мириады звёзд, Уходят корабли В неведомый простор, В шторма, туман густой, Всё дальше от земли.

И нет таких преград, Чтоб их вернуть назад, Чтоб сбить с морских дорог. Их мачты в небесах, Их ветер в парусах, И сохранит их Бог!

Горизонты, полные надежд, Вдаль уводят моряков из родных мест. Горизонты, полные мечты, Где Удача в четверть мили от Беды.

Одна на всех судьба – Капризна и слепа. На сотни тысяч миль Солёный вкус воды, Кровавый след цинги И в ураган, и в штиль.

Но, если держим курс И если бъётся пульс – Не подведён итог. Есть мачты в небесах, Есть ветер в парусах И сохранит нас Бог!

Белый лебедь, Чёрный гриф... В море смерть – Подводный риф. За кормой вода, вода, Белый день, Да ночь – смола.

Всё я помню, не забыл, Как себя я погубил. Получив последний фол, О риф днище пропорол.

Свежий ветер Полон сил, А на дне лишь Скользкий ил Да холодная вода, И что день, Что ночь – смола.

В себе страх я подавил, И бороться нет уж сил. А виной всему гроза Да взрывные паруса...

Я покидаю этот южный край, Солёных волн не слышу перебранку. Прости мне, море, что я на гражданку Тебя, без слёз, сегодня променял.

Не слышать больше мне ночных тревог И не командовать морским парадом. Так проводи, без ненависти, взглядом Того, кто рядом жить с тобой не смог.

Росой кивнут мне майские цветы И ветер встретит придорожной пылью. А чайки вновь свои расправят крылья, Чтоб бросить крик прощальный с высоты.

ЖИЗНЬ - ИГРА

* * *

Когда уходит солнце вдаль, А день стремится к ночи, Кто в море – доброго пути! А всем спокойной ночи!

Пусть не нарушит ваш покой В ночи тревожный крик. Пусть вам приснится край родной, Бегущий вдаль родник.

Пусть вам приснится дождь грибной, И полный солнца день, И ветер ласковый степной, И вольной птицы трель.

Пусть вам приснится смех детей, Их светлые глаза. Их детство чистое, как снег, Как ранняя роса.

Пусть вам приснится счастье всех, Живущих на земле. И ваше сердце каждый миг Пусть служит доброте.

Я хочу тебя видеть Не во сне, наяву. Вместе город будить, Встречая зарю.

Вместе мерять в шагах Полей тишину. И тебя целовать Не во сне, наяву.

Вместе радость делить, А печали – вдвойне. Быть всё время с тобой Наяву, не во сне.

И тебе я хочу Все цветы на земле Дарить каждый день Наяву, не во сне.

Как часовые на посту, Хранят земную красоту, Служа у Света и у Тьмы, Так непохожи Ночи, Дни.

Не знают устали они И всё идут вокруг Земли. За ними, может быть, следя, Вращаться начала Земля.

Проходит жизнь, не замедляя Во времени тревожный бег. И мы жалеем, понимая, Что рано начали разбег.

Мы всё спешили, чтоб быстрее Нам повзрослеть и навсегда Покинуть детство золотое И в мир мечты шагнуть без зла.

Шагнуть шагнули, но всё чаще Вдруг остановимся в пути И, глядя, как играют дети, Мы не торопимся уйти.

Вы видели, как голуби летают? Турманы, карьеры, камыши... Как с ветром спорят и играют, Всё выше подымаясь от земли?

Как свои крылья солнцу расправляют И, замирая, водят хоровод! Они без неба жизнь не представляют. А жизнь для них — это и есть полёт!

Любовь не строит замки и хоромы, Она не терпит ложных слов, Её не нужно звать — она в дороге, Она сама придёт, на то она Любовь.

Она придёт, без всякого сомненья, Два сердца свяжет нитями души, И в тёплый, летний вечер кто-то скажет: «Всё, чем живу на свете, – это ты!»

И станет мир для них прекрасной песней, И музыки не будет той конца. Как хорошо, что есть Любовь на свете И есть ещё влюблённые сердца!

Лишь только ветер упрямо Верхушки деревьев качал. И тихо трава шептала: «Час расставанья настал».

С грустью качели смотрели, Волнуясь, немного скрипя, На нашу ночную аллею, Где я провожал тебя.

Мы шли, и над городом сонным Стучали наши сердца. Сегодня я тебя провожаю, А завтра ты проводишь меня.

Уеду, чтоб вновь возвратиться, Уеду, понять чтобы вновь, Что ты — моё вечное чудо, Что ты — моя радость и боль.

Если я надоел, скажи. Я не стану кричать, ругаться, Я сумею себя сдержать И взглядом одним попрощаться.

Если я надоел, скажи, Ведь другим я уже не стану. Просто больше к тебе не приду, Но любить тебя не перестану.

Балтийский пляж

Балтийский пляж
Был пустынен и гол.
Лишь ветер забытой газетой
Играл в волейбол.
Никто сон волны
Не тревожил, не плыл,
Песок теплоту человека забыл.
С тоскою спасатель
На море смотрел.
Единственный буй
Тонуть не хотел.
А туча от грустной
Картины такой
Роняла на землю
Слезу за слезой.

И так продолжалось Не день и не два Пока солнца луч Не нагрянул туда. Он высушил слёзы, Волну разбудил И мокрый песок На новый сменил. А ветер заставил Весь мусор убрать И с парусом в море Отправил играть.

И пляж вдруг Расправил сутулые плечи. И первою стайкой Примчались дети.
Потом потянулись
Их папы и мамы,
Их толстые тёти
И дяди с усами.
И дама с собачкой,
И бабушка с внучкой,
Девчонка с косичкой,
Студент с авторучкой.
Рыбак, инженер, военный, актёр,
Рабочий, лесник, продавец и шофёр...
И груды одежды на землю упали,
Людские тела от одежды устали.

У входа на пляж Пункт торговли открылся. В людской «муравейник» Пляж превратился. Под солнцем читают и вяжут, Играют и спят, Мечтают, целуются, Смеются, едят. Из ракушек мальчишки Построили дом, А кто-то «сгорел» И лежал под грибком. Под тенью рубашки Транзистор играет, Спасатель на лодке Детишек катает. Беседуют, делятся, Решают кроссворд, И в море купается Пляжный народ.

Но солнце к закату Всё ближе склонялось. Немного народа На пляже осталось. А в сумерках пляж Загрустил, онемел. Остаться один Он никак не хотел. Он солнце зовёт: «Приходи поскорей! Я спать не хочу, Трудно мне без людей».

Я был слепым, И ты слепа. Нам к счастью было Два шага. Мой шаг навстречу, Твой – в ответ. И никого счастливей нет.

Но в суматохе Вновь прошли. Не встретились... Не подошли... И одинокими ушли...

Сезон дождей

Уныло барабанит дождь по крышам, Вся улица – безмолвие теней. Прохожие вдруг стали торопливей В сезон дождей, в сезон дождей.

А мы с тобой не замечаем непогоду. Глаза в глаза, дождинка на щеке. И мы с тобой благодарим природу За то, что дарит встречу нам в сезон дождей.

А в лужи хмурые заглядывают тучи, И ветер стал смелее и сильней. Роняя листья, старый парк грустит о лете В сезон дождей, в сезон дождей.

Дождь так спешил, Что позабыл Оставить лужи за собой. А парк, обидевшись, всплакнул Своей желтеющей листвой.

И в этом листопаде есть И грусть, и музыка, и песнь. И в этом шорохе листвы Есть приближение зимы.

Я долго ждал, настал мой час. Сажусь я в старый дилижанс. Бросаю мир тревожных грёз, А впереди лишь стук колёс.

Ветер в попутчики беру. Грусть и печаль я прочь гоню. Поля и горы, ждите нас. Вперёд, мой старый дилижанс!

Обмыла путь дождём гроза, Сомкнула веки тишина, Лишь старый дилижанс, ворча, От суеты везёт меня.

Скажу: «Привет тебе, Земля! К тебе опять вернулся я! Привыкший к городской толпе, Пройдусь немного по росе.

Я солнце грудью обниму, Я к ветру голову прижму, Поля и горы, среди вас Пусть отдохнёт мой дилижанс».

Мне снег Тихонько падал на ладонь. Был белый и холодный, Словно боль.

Та боль, Что криком вырывалась из груди. Та боль, Ослепнув, не нашла пути. Она усталая, нагая и в бреду Погибла, Замерзая на ветру.

Мне снег Тихонько падал на ладонь. Слепой и обнажённый, Словно боль. И чья-то боль, Согретая в тепле, Слезой горела на моей руке.

Одиночество

Ты сама не любила И с собой не звала. Ты с ума всех сводила, А согреть не могла. Ты была недоступна, Словно в небе луна, И растаяло поздно Твоё сердце из льда.

Ищешь друга, но тщетно Ожидаешь успех. Лишь немые улыбки, Лишь предательский смех. Только ночью усталость Камнем ляжет на грудь. Ничего не исправить, Никого не вернуть.

Одиночество грустью Оставляет следы. Горечь вновь заставляет Вспомнить прошлые дни. Ведь сама не любила, Ведь сама не звала. Красотою манила, А согреть не смогла.

Пусть никто не приходит И с собой не зовёт. Пусть дорогу у дома Метель заметет. И сугробы укроют У оврага ковыль, И по небу развеет Ветер звёздную пыль.

Пусть Мороз любопытный Постучится в окно. Дома руки на плечи Мне положит Тепло. Вспомню старого друга И гитару возьму, А свеча, догорая, Тихо тронет струну.

И натянутым нервом Отзовётся она. Ей отдам свою песню, Просижу до утра. Уходя, ночь оставит Своих прядей виток. День, зарей умываясь, Переступит порог.

Утро

Месяц по небу важно прошёл. Звёзды все погасил, Млечный путь подмёл. Ночи пряди пригладил И с собою увёл...

Ветер тихо проснулся, Задрожал верхний лист. От реки отозвался Чей-то жалобный свист.

Солнца луч ожидая, Темь бледнела в бору. Туман, сладко зевая, Сел росой на траву.

Ранний птах, встрепенувшись, Заиграл в свой рожок, И, как будто стесняясь, Зарделся восток.

Что творится со мной? Я никак не пойму. Будто нож со спины Кто-то в сердце воткнул. Будто с поезда кто-то Толкнул на ходу. Будто в час пик в метро Ощутил пустоту. Что творится со мной? Никак не пойму. Я с любовью – шучу, Я с бедой – не в ладу. Я с разлукой – в обнимку, Перед встречей – в долгу. С тёмной ложью впритирку, С правдой светлой – в бегу. Что творится со мной? Я никак не пойму. Но средь глаз торопливых Свой ответ не ищу. Лишь к друзьям моим старым Меня сердце зовёт. Лишь в кругу их весёлом, Меня грусть не найдёт. Но не волен собой я, Видно, что-то не так. Видно, рубль золотой Превратился в пятак. Видно, в скачке горячей Выбит я из седла... А вокруг суета, Суета, суета... 1988

Возвращение

Возвращаюсь с обветренной пристани В дом, с которым Давно я знаком. Он, увидев меня издали, Подмигнул знакомым окном. Здесь я встречусь И с детством, и с юностью, Повстречаю родных и друзей И пройду вверх и вниз Я по лестнице, Мимо взглядов немых этажей.

Добрая, старая лестница,
Ты хранишь ещё наши следы.
Ещё помнишь ты, старая лестница,
Детства нашего светлые дни.
Пусть уйдет ностальгия по прошлому,
Ведь ещё не смолкают шаги,
Но уже наши дети ручонками
Обнимают перила твои.

Будет вечер такой же приветливый И по-летнему тёплые дни, Но не услышу у подъезда соседнего Смех друзей и гитарной струны. И не слышать скамейкам-соседушкам Песен наших, признаний в любви, Потому что мы лестницей старою В жизнь большую когда-то ушли.

Я дружбу свёл с бессонными ночами, Укрытых звёздными коврами. Где ветер ходит тихо, деловито, А море молчаливо и сердито. Где волны, заскучавшие в разлуке, К берегу протягивают руки. Где света только лунная дорожка И месяца сребристого серёжка.

Я дружбу свёл с бессонными ночами. Там вижу я тебя средь звёздной дали. Стоишь ты в ожиданье нашей встречи, А ветер обнимает твои плечи. Там море дремоту свою стряхнуло, К твоим ногам легонечко прильнуло И передало свет лунной дорожки, Как мой привет, в твои серёжки.

Одиноко раскинув шатры, Задремал от усталости табор. Словно свечи, сгорают костры Под напевы цыганской гитары.

Только звёзды, дорога и степь, Только ветер, наполненный мятой, И табун вороных лошадей, И судьба, что разгадана картой.

Нагадай мне, цыганка, любовь И дорогу, где ветер на воле. И сменяю казённый свой дом На шатёр и цыганское горе.

Оседлать вороного б коня, По степи, словно птица, промчаться И испить эту волю до дна, И в душистой траве затеряться.

Забыла баня запах пара, Дубовых веников разгул. Забыла баня, как трещала В жару от злых температур.

Как накалялись её стены, Как становились на колени, И заходили, чуть дыша, Ничуть не пряча нагиша.

Как потом окропляли лавки, Как поддавали с паром травки. И как, кряхтя от наслажденья, Все вспоминали день рожденья...

Забыли кости крепость пара. Дома сверкает мылом ванна, Но только плачется душа: «Здесь не отмыться никогда»

Без лица

Разучились любить И в разлуке страдать. Научились Любовь И себя продавать.

Разучились в глаза Мы друг другу смотреть. Научились в огне Не гореть, а лишь тлеть.

Разучились, как встарь, Защищать свою честь. Научились терпеть Зло, жестокость и лесть.

Разучились на боль Отзываться сердца, Научились жить так, Как и все – без лица.

Прости

Ты постой, я прошу, не спеши. Оглянись и свой взгляд задержи. Не бросай на дорогу цветы, Не сжигай за собою мосты. Постой! Не спеши!

Ты поверь: среди новых дорог, Средь житейских невзгод и тревог Одиноко увянет твой сад, И поймёшь, что пути нет назад. Постой! Не спеши!

Постой! Я прошу, не спеши! Оглянись и свой взгляд задержи. Видишь, слёзы роняют цветы. Слышишь, я объясняюсь в любви. Постой! Не спеши!

Как же трудно признать,
Что обманут ты в лучших стремленьях.
Что надежды твои,
Как мираж, как несбыточный сон.
Что поставил на кон
Ты заведомо битую карту
И зачем-то вложил
В свой наган отсыревший патрон.

Как же трудно осмыслить,
Что все эти долгие годы
Ты был пешкой простой
В ловко сыгранной кем-то игре.
И что, руку давая,
Тебе наступали на горло.
А в глаза улыбаясь,
Острый нож приставляли к спине.

Нелегко признавать
И себе выносить приговоры.
И не раздав долги,
Отвернуться и первым уйти.
Пусть слетает слепая звезда
На чужие погоны,
А мелодия марша
Мои заглушает шаги.

Тебя я ищу, но удача, увы, не со мною. Наверно, придумал тебя, но глаза лишь закрою: Ты также горда, непонятна, чертовски красива, Умна, деловита и неуловима.

Незнакомка моя, незнакомка. Ты эхом ответь мне негромко, Что рядом, ты – смех, ты – слезинка. Незнакомка моя – невидимка.

Пусть тучи нависли и ветер ревёт оголтело. Опять ты мне болью пронзаешь и сердце, и тело. Навстречу иду, но проходят все мимо и мимо, Ты словно прекрасный мираж, ты неуловима.

Среди площадей и проспектов мне душно и тесно. Ещё ты не знаешь меня, ты ещё не невеста. Но как бы ни долог был путь, ты протянешь мне руки, Стряхнём, словно сон, надоевшие путы разлуки.

Пронесся горький ветер надо мной И расшвырял все мысли и надежды. Не верю я, что мне не суждено, Любить и быть любимым вновь, как прежде.

Озябший вечер, спрятавшись в туман, Укрыл собой проспекты и аллеи, Но знаю я: сегодняшний обман Мы вряд ли позабыть с тобой сумеем.

Безмолвны тени и безмолвны небеса. Безмолвно всё, что мы создать сумели. И ни к чему теперь красивые слова, Когда сердца живые очерствели.

Уходят прочь минуты и часы. Так наша жизнь уходит понемногу. А ты за ней угнаться не спеши, Ты задержись в раздумье у порога.

Неужто всё – несбыточные сны, Неужто мы с тобой – опять чужие, Неужто мы, как летние дожди В солнечных бликах, ветрено-слепые?

Ах, дуэли, дуэли!

Я не кланялся пулям И за спины друзей не скрывался. Как же вы в этот час Мне посмели сказать, что я трус. Видно, сладость вина Вам слегка затуманила разум. Вот перчатка, и вас Отрезвить я под утро берусь.

Ах, дуэли, дуэли!
Не каприз и не прихоть.
Где затронута честь,
Там оплатой становится кровь.
Дуэлянты, к барьеру!
Где нацелены пули под сердце,
Где проходит черта
Под судьбой фразой в несколько строк.

Нанесли оскорбленье при мне Вы порядочной даме. Ночь подходит к концу, Так спешите поднять свой бокал. Ведь под утро – к барьеру, И двадцать шагов, что меж нами, Сократить мне поможет Пристрелянный смертью наган.

Вы сказали при всех,
Что мой карточный долг не оплачен.
Вызов принят и, честь
Защищая своих эполет,
В секунданты призвал я
Гордыню свою – это значит,
Честь дороже, чем жизнь,
И позор мой пусть смоет свинец.

Ушёл из дома... В дом вернулся... «Что делал?» – «Просто прошвырнулся».

«Что видел?» — «Дождь играет в лужах». «Зачем пришёл?» — «Пришёл на ужин».

Табор

По полю, по полю, по полю, По полю, укрытом росою, По полю, где травы, как в сказке, Шёл табор, шёл табор цыганский.

И с песней, и с песней, и с песней, И с песней цыганскою вещей, И с песней, цыганскою долей, Такой же свободной и гордой.

Дороги, дороги, дороги, Дороги, где пыль лижет ноги, Где стелются низко туманы, Кочуют, кочуют цыгане.

Подковы, подковы, подковы, Подковы – цыган разговоры. Подковы и в зной, и в ненастье. Капризно цыганское счастье.

Кони

Кони, кони, кони, Кони в табуне. Топот, топот, топот Скрыт в густой траве. Бьют копыта оземь, Гривы на ветру, Нету больше дива, Чем кони на бегу.

Что в степи вас гонит? Что вас вдаль зовёт? Солнца колесница, Вольный горизонт. Закаты и зарницы, Туманы и дожди, Только пыль клубится Вслед вам, скакуны.

Кони, кони, кони, Кони в табуне. Топот, топот, топот Скрыт в густой траве. Жизнь в сплошном галопе. Попробуй осади! Не оседлать свободу! Не взять и под уздцы!

Непогода

Хмурый день забыт и брошен Среди ветра, под дождём. И капризные, как дети, Мы по улицам идём. Словно всех околдовала Непогода, как могла, Что проходят люди мимо, Даже не подняв лица.

Это непо-непогода
Виновата лишь одна,
Что друг другу шли навстречу
Мы под каплями дождя.
Это непо-непогода,
И шепнул мне мокрый лист,
Что мы были с тобой рядом,
Но, не зная, разошлись.

Мокрых улочек изгнанье, Грязных луж водоворот, Как на острове отчаяния Я бреду – вдруг повезёт. Но сильней стучит по крышам, Надоевший за день дождь. Я зову, может, услышишь, Вдруг заметишь, подойдёшь.

Под вуалью, как в лёгком тумане, Ваши милые скрыты черты. Словно раб, замер я перед вами. Как царица, проходите вы.

Мягкий свет вам ложится на плечи, И звучит тихо старенький вальс. Под вуалью, как в лёгком тумане, Холод ваших задумчивых глаз.

Я дышать рядом с вами не смею, Но в душе не унять мою страсть. Под вуалью, как в лёгком тумане, Безграничная женская власть.

И пред вами склоняя колено, Я судьбу об одном лишь молю: Под вуалью, как в лёгком тумане, Подарите улыбку свою.

Загнанный зверь

Волк любит жить на воле, Но с волком скор расчет: На льду, в лесу и в поле Бьют волка круглый год...

А. Ахматова.

Меня обложили, что делать теперь? Повсюду флажки и капканы. Вдруг сердце заныло: «Ты – загнанный зверь!» И «Поздно зализывать раны!»

Видать, «чёрной меткой» пометил судьбу Мою кто-то ради забавы, Что стал я мишенью на мёрзлом снегу, И «Поздно зализывать раны!»

Но правилам этой игры вопреки, Клыки сжав от злобы и боли, Со смертью рванул я наперегонки, Я должен уйти от погони.

Я должен уйти, чтоб возглавить опять Матёрую стаю на воле... Но кровью ложатся по полю следы, Как подпись в моём приговоре.

И я, свои силы, в остаток собрав, Рванул...
Но, Он встал из-за засады...
И взвыл я смертельно на выстрел в упор: «Да! Поздно зализывать раны!»

Виктория

Считался неприступным Я для женских сердец. И в праздники, и в будни Не находил им мест. Не обращал внимания На вздохи, милый взгляд, На длинные ресницы, Кокетливый наряд.

При галстуке, при фраке, Уверен, как всегда, Знал строго до минуты, Что делать и когда. И как могло случиться, Никак я не пойму, Вначале ты приснилась, Сон в руку – на беду.

Виктория! Ты сон мой – и не более, Ты сон мой – и не более. Но я так не могу! Виктория! Ты имя – и не более, Ты имя – и не более, Ворвалась в жизнь мою!

Я в суматохе улиц Один, как тень, бродил. Тебя среди прохожих Искал, не находил. Судьба ж со мной шутила И путала следы, Как пьяного, водила За прошлые грехи.

А ты жила не знала, Не ведала о том. И был со мною рядом Твой милый сердцу дом. И вот, слегка робея, Опять надев свой фрак, Несу цветы тебе я, Как будто белый флаг.

Виктория! Я был слепым, не более, Я был слепым, не более. Любовь считал – порок! Виктория! Ты жизнь моя и более, Ты жизнь моя и более – И я у твоих ног!

Туман нежно ласкает реку, Окунаясь в прозрачную гладь. Я стою на крутом берегу, Боль не в силах на сердце унять.

Тишиною, как пледом, укрыт, Одиноко встречаю рассвет. На душе тяжкий камень обид, На губах горький вкус сигарет.

И нельзя ничего изменить, Как нельзя повернуть реку вспять. Так легко нам друг друга винить И так трудно чужими нам стать.

Жизнь – игра

Жизнь отмеряла срок. Я же в жизни игрок, Но не знать до поры Правил этой игры. И играю с листа, Хоть на мне нет креста, Я прошу: «Боже мой! Дай судьбы мне такой:

Чтобы пить – так до дна, Целовать – так в уста, Умереть – так в бою, Согрешить – так в раю!»

Дни порой, как года.
Только всё, как всегда.
Жизнь — натянутый нерв,
А игра — один блеф.
А игра — слёзы, смех.
И играть — тяжкий грех.
Только я как могу
Продолжаю игру.

Что мне хмуриться? В дождь, в распутицу По дороге иду босиком. А по обочине озабочено Лезут сволочи напролом.

Я до нитки промок. Над собою шучу. А скулить мне и впрямь неудобно, Ведь с обочины скособочено Наблюдают за мною злобно.

Так пусть смоют дожди Нечисть всю на пути. Пусть омоют дожди Мои раны. Я не прячу лицо, Мне не жить подлецом. И пускай мне завидуют гады.

Весь в грязи. Что ж с того? Знаю я наперёд: Этой грязью не выпачкать душу. А обочина червоточила, С тяжким смрадом лезла наружу.

Я дойду, чтоб ни стоило. Я доберусь И спою, и друзья будут рады. У обочины же скоропорченны Издыхать будут сволочи, гады.

Закружила осень

Закружила осень, закружила... Надо мною осень подшутила, Надо мною горько посмеялась, Увела тебя, а я осталась.

Закружила осень, закружила... Я свою судьбу наворожила, А теперь судьбу я проклинаю, О тебе всё время вспоминаю.

Закружила осень, закружила... В моём сердце рану обнажила, В моём сердце боль одна осталась, Ну зачем же я с тобой рассталась?

Закружила осень, закружила... Я свои обиды позабыла, Я свои обиды прочь услала, Лучше бы тебя я не встречала.

Закружила осень, закружила... Развела дороги, не спросила. Развела дороги, словно плечи... Я люблю тебя! Жду нашей встречи!

Всё на бегу

Всё на бегу, обрывки фраз, Вопросы будто невзначай. Случайно встретимся: – Привет! Ну, как дела?... – Пока! – Прощай!

И снова в суматоху дней, Чтобы догнать, не опоздать, Спешим хоть что-нибудь успеть, Постичь, добиться, доказать.

Всё на бегу. И нет уже Свободных несколько минут, Чтоб повидать старых друзей И с ними вместе отдохнуть.

Вмиг о заботах всех забыв, Распить бутылочку иль две, А закусив и закурив, Увязнуть в лёгкой болтовне.

Но жизнь не та. Всё на бегу, Спешим всё время по делам... Случайно встретимся: — Привет! Ну, как дела? — Иди к чертям!

Как вернуть себе то, Что ещё не терял, И суметь позабыть, Что ещё не познал, Как осмыслить всё то, Что никак не понять, И согреться теплом, Когда дрожь не унять?

В жизни вовсе не просто, Когда слёзы за смех. Непонятно, тревожно, Когда радость за грех. Глупо, дико, безбожно, Когда Вера в цепях, И совсем невозможно, Когда Правда в крестах.

Как поверить тому, Кто как будто не врал? И других полюбить, Когда с горя устал? Как дойти, доползти, Если нет больше сил, И суметь умереть, Если вовсе не жил?

По решению суда

Вот и всё.... И оборвана нить. Вот и всё.... И не нужно спешить. Мы чужие теперь навсегда, По решению суда, По решению суда.

Только смотрит с любовью на нас Пара карих мальчишечьих глаз И не делит ни мать, ни отца, Несмотря на решение суда.

Вот и всё... Чемодан у двери. Вот и всё... Вмиг погасли огни. И осталась одна темнота, По решению суда, По решению суда.

Вот и всё.... До конца не понять. Вот и всё.... Только боль не унять. Третий лишний - смеётся судьба, По решению суда, По решению суда.

Только смотрит с любовью на нас Пара карих мальчишечьих глаз И не делит ни мать, ни отца, Несмотря на решение суда.

Маленький каприз

Ушли крещенские морозы, В реке растаял лёд. Весеннею капелью горечь Ушла, как старый год.

И солнце тронет теплотою Мне сердце сверху вниз. И буду я готов исполнить Твой маленький каприз.

Достать полночную луну... Задуть Полярную звезду... Дарить подарки и цветы, К постели кофе принести...

Детей одеть и накормить, В детсад и школу проводить. Помыть посуду, дом убрать, Сварить обед и постирать.

Заняться спортом, не болеть, Сил на работе не жалеть. Не сквернословить, не зудеть, Быть в настроенье, песни петь.

Не пить спиртного, не курить, Домой получку приносить. Тебя беречь, как главный приз... Где ж столько сил взять на каприз!

Я пришел – не гони. Дверь свою отвори. Побродил, повидал И прости, что незван. Я с собою принес Шелест стройных берез. Запах трав и цветов, Пенье птиц, шум ветров. Я росы жемчуга К твоим брошу ногам, И одену твой стан В легкий, синий туман. А в объятиях ночи Не брани, не учи. Теплом ласковых рук Согрей после разлук. Я устал... Столько лет... Но приходит рассвет, И зовут за порог Километры дорог. Ухожу... Не сердись, Не кляни мою жизнь. Ведь уже никогда Не исправить меня.

Как стало больно, одиноко вдруг. Ушел из жизни самый лучший друг. Не попрощавшись, не черкнув письма. Зачем безжалостна была к нему судьба?

Ведь он не предал, не убил. Но не дожил, недомечтал, недолюбил. В рассвете сил его настигла тьма, Не дав дожить даже до возраста Христа.

Я молча пью свой третий тост до дна, Но горек вкус мне сладкого вина, Не в силах сердце всё воспринять наяву, Но только в сердце память я о нём храню.

Не сможет время рану залечить, Чужой не сможет друга заменить. Никто не в силах возвратить тех дней, Когда друг рядом был, чуть старше и мудрей.

Я молча поднимаю третий тост. К нему невидимый протягиваю мост. И рвет вопрос мне душу: - Для чего? Я стал уже взрослее друга моего.

И молча пью свой третий тост до дна. И горек вкус мне сладкого вина. Не в силах сердце всё воспринять наяву, Но только в сердце память я о нём храню.

Отравил я себе, отравил Жизнь младую, хмельным зельем. От того, что до дна норовил Пить то с горя, то ради веселья. От того, что рубахи рвал, Жизнь, как тройку гнал с бубенцами. Да всё песни свои орал И с учеными, и с глупцами...

А теперь с каждым днём всё вниз, По крутому скользкому склону. Сам себе я кричу: «Держись!» Но кричу, как будто глухому. Миг ещё и уже не спастись, Всё закружится в дикой пляске. А потом крестись, не крестись, Не нужны ни песни, ни ласки.

А потом только тяжкий смрад Да бесстыжая власть похмелья. А потом лишь чертей парад Да безволие и неверье... Лучше сразу «рубить концы» – И на дно в самую пору. Только верю, мои бубенцы Всё же вывезут, вывезут в гору.

Разверну я своих коней, Мне воды лишь дайте напиться. И под гору, плюя в чертей, Я помчусь... Чтоб с дороги не сбиться, Дай мне силы, Всевышний Бог! И пошли мне, прошу, прозрение... Если нет, то лишь яда глоток, Но не с горя, а ради спасения.

Обнажает сады, не таясь, листопад. Стынут ветры степные И слепнут туманы. Это лето, простившись, покинуло нас. Это осень, насупясь, колдует над нами.

Свои краски разбавила грустным дождём И прошла, обожгла эту землю. С птичьим криком последним Взмахнула крылом, Ночь впустила хозяйкой, А день позабыла за дверью.

Третья ночь и опять без сна, Знать, на улице опять весна. За окном кричат коты, Всё подруг своих зовут, скоты.

Я тебя разлюбить не смог И, глотая сигаретный смог, Вспоминаю шёлк твоих волос И купальник, что из двух полос.

А виденье твоих нежных плеч Ни секунды не даёт прилечь. Вспоминаю алых губ узор, Поцелуй их сладкий, свой позор.

Вёл себя я, как дикий зверь. Сам ушёл и захлопнул дверь... А коты «вступают в брак», Я ж по комнате мечусь, дурак.

Сам себе теперь злейший враг, Что ни шаг, то обрыв иль овраг. Ну, зачем мне такая беда, Нет от прошлого даже следа.

Не хозяин себе, а слуга, Нет лекарства от недуга. В скачке сердце, не приходит сон... Закричать с котами, что ль, в унисон: «Мяяя-уууу!»

Дружбы нет неверной. Нет любви, чтоб слишком. Есть лишь жизнь без правил, Есть лишь бег с отдышкой.

Смех есть, что со злобой. Взгляд есть, что безликий. Голос онемевший, Крик есть тихий-тихий.

Нет грозы без грома, Нет огня без пламени. Есть одни, что отдали, Есть и те, что заняли.

Совесть есть на граммы, Счастье – на копейки. Есть и те, кто верили, Есть, кто ставил к стенке.

Истины нет в прошлом, Нет имени без отчества. И нет в своем Отечестве Места для пророчества.

Есть слова пустые, Клятвы, как гадания. Старики забытые, Смерть и голодание.

Школьные годы

Ветер находок и потерь Срывал листки календарей, Когда окончился прощальный Школьный вальс. И в вихре жизни закружил, Виски слегка посеребрил, Но вместе вновь собрал Он наш десятый класс.

И пусть постарше мы теперь Школьных своих учителей. И наши дети взрослые давно, Но сквозь прожитые года Я помню ваши имена, А вот по отчеству Не знаю никого.

Так вспомним школьные года, Мы были юными тогда, Шутили, спорили, влюблялись, и не раз.

Но рано подводить итог, Не прозвенел ещё звонок, И мы, как прежде, продолжаем классный час.

А как хотелось повзрослеть. Сил больше не было терпеть, Лавины новых и заумных тем. Терялись нужные слова И разрывалась голова От сотен правил, формул, теорем. Назад нам время не вернуть, Но если в прошлое взглянуть, Мы научились главному – дружить. И пусть летят стрелой года, Мы будем молоды всегда, Пока мы вместе – значит, будем жить!

И помнить школьные года, Мы были юными тогда, Шутили, спорили, влюблялись, и не раз.

Но рано подводить итог, Не прозвенел ещё звонок, И мы, как прежде, продолжаем классный час.

Срывали голос петухи до хрипоты, И на востоке небо серое алело. А мы сидели всей ватагой у реки, У нашей ивы, что так буйно зеленела.

Мальчишки дружные, все с одного двора. Все, как один, любители рыбалки, Не отрывая глаз от поплавка, Свои вопросы задавали Саньке.

А слышишь, Сань!
Скажи нам без вранья,
А что вкусней – плотва или таранька?
А что, бычок жирнее карася?
А в море Чёрное впадает Саксаганька?

Текла река спокойно и легко, Шли наши годы чередой беспечной. И верилось, что так и быть должно, Что наша дружба тоже будет вечной.

Взрослели мы и покидали дом, Чтоб в одиночку встретиться с судьбою. Напоминали только строчки телеграмм, Что нас зовет та ива над водою.

А слышишь, Сань!
А как шумит тайга?
И тянется ль, как море, к горизонту?
И как твои взрослеют сыновья?
Всех благ тебе, а остальное – к чёрту.

Зачем? За что? Пришла в наш дом беда. Одна на всех — внезапна и коварна. Ведь не готовы были мы тогда Понять, что друга потеряли безвозвратно.

Гнал ветер воды мутные реки, Мы, словно ветви, головы склонили, А боль зажала грудь в свои тиски, И мы молчать не в силах были – говорили:

– А слышишь, Сань! Неужто мы теперь сказать «Привет!» Не сможем больше другу? А помнишь, как шутили напослед? А помнишь?.. Помню! Вечно помнить буду.

Срывали голос петухи до хрипоты, И на востоке небо серое алело. Стоял один у краешка реки, У той реки, где наша ива повзрослела.

И понял я, что как бы ни текла И ни крутила жизнь порою, Я должен буду возвращаться иногда, Хотя б на миг, к той иве над водою.

Бегу, спешу, срываю телефон, Все расстоянья, своим криком крою:

— Ты слышишь, Сань, скорее приезжай! Пока стоит та ива над рекою!

Я знаю всех...

Я знаю всех по имени, по отчеству Своих друзей по детству, по отрочеству. Нас разбросали годы, расстояния, Но не дают забыть воспоминания.

Как во дворе, мальчишками безусыми, Гоняли мяч мы целый день без устали. Как были мы ковбоями, индейцами, Войны вели и с белыми, и с немцами.

Летом, в жару, от воли охмелевшие, К реке гурьбой бежали, пропотевшие. У берега лягушки бодро квакали, Когда ныряли мы с камней за раками.

Как ночи коротали мы под звёздами, Взрывая сон гитарными аккордами. Как в садике курили втихаря, Деля на всех бутылку «сухаря».

Эх, годы, годы, годы пролетевшие, Мои друзья теперь все поседевшие. Их называют дети теперь предками, А наши встречи стали слишком редкими.

Мы суетимся каждый день и вертимся, Но мы, конечно же, все вместе встретимся, И посидим под ивой у реки, И будем, как и прежде: Вадьки, Лёньки, Лёхи, Витальки, Тохи, Вохи, Коты, Димоны, Юрики, Серые и Шурики!

У дороги венки, У дороги кресты Стоят скорби полны, У последней черты. К той черте Жизнь Обычно приводит сама, Ну а ты поспешил, Отпустив тормоза.

Ты промчался, как вихрь, И влетел в поворот, Словно сам сатана Влез тебе под капот, Где стальных лошадей Своей плетью стегнул... Их бы взять придержать, Ну а ты газанул.

Две беды на Руси Вечно правят судьбой, Оставляя свой след За последней чертой. И ложатся венки И врастают кресты, Умножая печаль От версты до версты.

С первым школьным звонком Осень входит в наш дом, Вырываясь из летнего плена. От звонка до звонка Длится школьный урок, От звонка до звонка перемена.

Время юных надежд Закружил листопад, Поделив на уроки и смены. И спешит детвора От звонка до звонка, Твердо зная – их ждёт перемена.

Годы школьных тревог, Как роман в сотни строк, Где есть всё: и любовь, и измена. Жизнь легка и трудна От звонка до звонка, И приходит всегда перемена.

Будет снежный январь Обновлять календарь. Оставляя одно неизменно — От звонка до звонка Длится школьный урок, А потом... А потом лишь одни перемены.

Бабье лето

Любому возрасту своя пора Дана природой или выдумана кем-то, Детству и юности - пьянящая весна, А зрелости - удушливое лето...

Спешишь, не замечая, что в окно Осень тихонько, но настойчиво стучится, Что на виски ложится серебро, Как первые желтеющие листья.

Что гуще паутина из морщин, Что взгляд длиннее стал и строже, Что, словно лес осенний, ты ворчишь На тех, кто пошустрей и помоложе.

И веришь — далеко до зимних стуж, Когда согнёшься под холодным ветром... Да! Осень наступила, ну и пусть! Пусть она будет долгим бабьим летом.

Любовь – не привычка

Моей жене Ирине

Прочитал я статью. В ней легко подсчитали, Что в привычку любовь Переходит с годами.

Если верить тому, О чём в прессе читаю, То к тебе я, родная, Сейчас привыкаю.

Привыкаю к глазам, Привыкаю к улыбке, Привыкаю к тебе — Самой сладостной пытке.

Привыкаю с тобой я Грустить и смеяться, Лишь с тобой засыпать И с тобой просыпаться.

Привыкаю к тебе – И шальной и весёлой, Привыкаю к тебе – И сердитой и строгой.

Привыкаю к рукам Твоим нежным и ласке. Привыкаю домой Приходить без опаски.

Привыкаю к теплу, Привыкаю к уюту. Привыкаю с тобой Ценить год и минуту.

Я с тобою, родная, Ни о чём не жалею, Но привыкнуть к тебе Я, прости, не сумею.

Потому, что статья – Лишь газеты страничка. Потому, что любовь – Выше всякой привычки.

2006

* * *

Взрывался искрами весёлыми твой смех, Кружился в воздухе и таял на снегу. Мы были счастливы с тобою и при всех, Словно шальные целовались на ветру.

Сыну Денису

Волнующий и долгожданный миг — Твой день сегодня, Выпускник! В зале с тобой в последний раз Собрался повзрослевший класс.

И ты сейчас найдёшь едва Для всех прощальные слова. И школьный перейдёшь порог, Где сотни, тысячи дорог.

Как среди них найти свою? В реальность превратить мечту? Иди вперёд и ты не раз припомнишь, Как шёл из класса в класс.

И не робей, хоть мир велик, Он твой сегодня, Выпускник.

Маршрут 162

Калининград – Балтийск

Автовокзал, перрон, часы, Как челноки, автобусы. Здесь радость встреч И боль разлук Собрало время в узкий круг.

Я разрываю круг, когда Сажусь в маршрут один шесть два.

Спешу туда, где край земли Вдаль провожает корабли. Где с ветром спорит стройный лес. Где ждёт гостей «поле чудес».

Там солнце позже всех встаёт. Там город маленький живёт, И в нём старушки поутру Часы сверяют по гудку.

Там крепостей старинных дух И снегом тополиный пух. Там водосточных труб ревун И летний зной прибрежных дюн.

Там стоит Пётр, из «окна» Ему Европа вся видна. И честь царю Российский флот Парадным строем отдаёт. Там свет родного маяка, Зовёт меня издалека... Вези ж меня туда, Маршрут один шесть два.

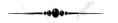
На посошок

Листаю я года назад
И возвращаюсь в Ленинград:
Прощальный вечер, золото погон.
И мы уже в хмельном плену,
Выпускники ВВМУ.
Мы свой перешагнули Рубикон.
Мне друг сказал тогда: «Сашок!
Нальём давай «на посошок».
И пусть удача улыбнётся нам сполна.
Не говорю тебе «прощай»,
Но ты мне твёрдо обещай,
Что встретимся мы снова, старина!»

Ревели ветры и шторма, Нас жизнь бросала как могла. Менялись часто адреса и города. И изменился мир вокруг: Был Ленинград – стал Петербург, Но память сохранила те слова. Мне друг сказал тогда: «Сашок! Нальём давай «на посошок». И пусть удача улыбнётся нам сполна. Не говорю тебе «прощай», Но ты мне твёрдо обещай, Что встретимся мы снова, старина!»

Историей стал прошлый век. И жизнь ускорила свой бег. Юность ушла, растаяла, как сон. И просыпаешься — с утра Опять заботы и дела. Но словно током вдруг мобильный телефон:

«Ведь это ты, правда, Сашок? А помнишь тост «на посошок»? И пусть удача улыбалась не всегда. Но ни к чему сейчас печаль, Я выезжаю, ты встречай, И встретимся мы снова, старина!»

Три повести

Краткие три повести грусти и печали Серыми чернилами пишет дождь ночами. А туман, лениво размывая почерк, Тянет грязь и сырость между слов и строчек.

Там строкою красной дарит «бабье лето», Паутину тонкую солнечного света. Там бродяга ветер, став лихим пилотом, Стаи птиц готовит к дальним перелётам.

Краткие три повести, всего понемногу Собирает Осень в дальнюю дорогу. И, сжигая прошлое, сбросив полномочия, Листопад, прощаясь, ставит многоточие...

Фронтовик

Выводит песню фронтовик, Годами сгорбленный старик. Пеплом военным седина Ему на голову легла. Выводит песню фронтовик, Взгляд опустил, он не привык, Когда вокруг снуёт народ, Шумит подземный переход.

Он пол-Европы прошагал. Он на день сто раз погибал, Но разве мог тогда он знать, Что будет снова выживать.

Выводит песню фронтовик, От слёз непрошеных отвык, Когда друзей, с кем в бой ходил, В братских могилах хоронил. Выводит песню фронтовик, Гармонь заглушит сердца крик, Ведь он Берлин брал в ту весну... Теперь не нужен никому.

Он пол-Европы прошагал. Он на день сто раз погибал, Но разве мог тогда он знать, Что будет снова выживать.

СЛЕПЫЕ ВОЛКИ

Зоопарк

Мне приснился сон, как с неба гром. Будто в зоопарке всё вверх дном. Будто собрались в один из дней Посмотреть все звери на людей.

Ходят чинно, важно средь аллей, Средь берёз, акаций, тополей. Голосу инстинкта не внимая, Надписи под клетками читая.

Вот сидит, напыжась, средь бумаг, А внизу табличка – «Бюрократ». Этот, что ни брось, гребёт в загон, Надпись тут же – «Взяточник и вор».

Этот, глядя, как живёт сосед, Пишет что-то, не включая свет.

Руки от злорадства потирает. «Кляузник» – надпись оглашает.

Этот в клетке корчит рожи, Знать, без лицемерия жить не может. И вполне заслуживает он Надпись по-латыни – «Хамелеон».

Этот исплевал весь потолок, Что ленивец отойти не мог. Силился понять, хоть плачь, хоть лай, Родственник иль нет ему «Лентяй».

Этот перед всеми вился, гнулся, Что теперь не может разогнуться. Тень улыбки бродит по лицу, «Подхалим» – название ему.

Так от клетки к клетке целый день Ходят звери, глядя на людей. Среди гор, лесов, пустынь, полей Им не увидать таких «зверей».

Это был лишь сон, игра ума. В нём есть начало, нет ещё конца. Но верю, доживём до светлых дней, Когда таких «зверей» не будет средь людей.

Слепые волки

(Басня)

Жил Лес чудес, краса природы. В порядке был все годы. Как и положено ему, кормил, Поил, спасал в жару. Пел соловьём, шумел листом, Дарил цветами и грибом. Там звери не мутили воду, Там зверства не бывало сроду. Никто там падаль не видал. Там волк был главный санитар.

Весна меняла зиму, осень — лето, Ручьи неслись, терялись где-то, Всё в своё время, не вдогонку. Вдруг дятел настучал листовку: Мол, «Дорогие мои звери! Мы в чём-то с вами преуспели. Мы где-то впереди соседа, Одна на всех у нас победа. Вперёд к успехам, к достижениям И к новым взлётам и свершениям...» И лишь в конце, знать, под диктовку, Приписку сделал: «Слава волку!»

В недоумении сошлись звери: «Что кроется в сём изречении? Уж больно много там воды, И не нажить бы нам беды». Из-за бугра лихие ветры Вдруг донесли аплодисменты. И заорал козёл, рвя глотку:

«Ура! Ура!» и «Слава волку!» Задумалась кума-лиса, Сощурив хитрые глаза: «Ох! Не попасть бы снова в дуры. Снесу-ка волку свежей куры».

Лиха беда, лихо начало.
Так повелось и нормой стало,
Чем дальше в лес, тем меньше толка.
Уже не ноги кормят волка.
Расширил логово в три раза,
Заплыл жирком, ослеп, зараза.
В секретарях пройдохи белки,
Дела творят по-волчьи клерки.
Чины и кресла разобрали
Глупцы, слепцы, проныры, скряги.
Жизнь превратилась в прозябанье.
Кто против был, того — в изгнанье,
Кто не имел мохнатой лапы,
Ходил без галстука и шляпы.

В лесу не слышно больше песни. И правда стала там не в чести. Её, беднягу, затоптали, изгнали, Съели с желудями. Взамен швырнули лишь намёки Да лозунгов красивых строки. Всё гнило, сохло, отмирало, Сорока, знай, своё трещала: «Наши свершения... Наши победы!..» Лишь эхо: «Наши беды, бе-ды, бе-ды-ы!..»

Вглядитесь! Волки ведь живут средь нас, Закамуфлировав звериный глаз, Обрезав когти и поджав хвосты, Погрязнув в лени и во лжи.
Как логово – просторный кабинет,
А на груди порой лежит билет,
Которым, будто каменным щитом,
Они укрыли совесть на потом.
Всё больше бьём словами их сейчас,
А нужно бить и в бровь, и в глаз,
А то, глядишь, «слепые волки»
Останутся и в перестройке.

Хроника событий

13 число

В дыму табачном, средь угара, Дыша в подругу перегаром, «Столичной» на двоих разлив, Зло, выпив и не закусив, Сказал с поклоном: «Мадам, леди! Прекрасней вас ещё на свете Не наблюдал я женский пол, Хоть был и Рим, Париж, Лондон...» И пепел, как бы между делом, Стряхнув на голое колено, Продолжил: «Вам лишь по секрету Скажу, что походил по свету. Скучал под пальмами Сантьяго, Ел апельсины под Монако, Страдал от солнца Средиземки...» Тут, мясо взяв рукой с тарелки, Наполнив даме, себе рюмку, А руки вытря о тужурку, Провозгласил свой тост: «За Флот!». Потом – «За тех, кто с моря ждёт!», Потом ещё, потом сначала, Потом и водка уж не брала. Заказывал всем дамам песни, Цветы дарил чужой невесте. Трояк швейцару дал на чай И всё орал, мол, наших знай. Мол, всё пропью, не опозорю Ни Флот, ни честь, лишь дайте волю. Потом плевался, кричал бранно, Просил любви и вёл вульгарно.

Лез целовать всем дамам ручки... Что был за день? Был день получки!

14 число

Глаза, как мутное стекло. Шум в голове, как после битвы. - Где был вчера?.. И с кем, и как?.. Ползут оборванные мысли. Противно как и одиноко, Душа горит и хочет сока, И понимаешь, что напрасно Вчера любил и пил так страстно. Любовь ушла в ночи, зараза, Остался лишь синяк под глазом. Да в памяти, закон природы, Одни сплошные эпизоды: Цветы... Такси...Швейцар... Кабак... Дым сигарет... Портвейн... Коньяк... Что дальше? Вдруг заныли почки, На окнах, в вазочках, цветочки, И тишина, как будто в келье... Рабочий день начат с похмелья.

Стайер

Выхожу из раздевалки В новых кедах, в новой майке Без сомнения.

И со старта, я ведь стайер, Так рванул, что зал весь замер От волнения.

Круг за кругом, видно, слишком, Появилась вдруг отдышка, Вдох со стонами.

И застряло время в нервах, Сердце бьётся кровью в венах С перебоями.

Я хриплю и горлу тошно, Всё, так больше невозможно... Трупом падаю.

Успеваю лишь заметить – Это финиш и я – первый С лентой алою!

Дублёр

Так бывает лишь в футболе, Был вчера ещё дублёром, В неведении.

А сегодня левым крайним Выхожу на матч центральный В нападении.

Ждёт начала гул трибуны. Атмосфера, словно в ЦУМе, От волнения.

Заплатили рубль с полтиной, Чтоб кричать: «Судью на мыло» С наслаждением.

Мой рывок по самой кромке Отработан в стометровке, Прострел делаю.

Не успел на передачу Форвард наш – сосед по даче, Что-то с левою.

Ко мне приставили нахала, Дышит тяжко перегаром, Рожа с шрамами.

Только нем свисток арбитра, Видно, чёрному не видно, Быть мне с травмою. Кровь по венам бьёт мне больно, Не зря круглый мяч футбольный Без изъяна.

Тяжело, но я стараюсь И финтую, уклоняюсь От тарана.

Свист судьи в финальной ноте Прокричал, и матч в цейтноте, Без сомнения.

На табло нули, как слёзы. Зритель зол в немом вопросе С огорчением.

Седая грива (Басня)

Жил старый лев — седая грива. Усталый взгляд, душа ревнива. Изменчив, словно первый снег. Ворчлив был — доживал свой век. Ему на отдых бы пора, Но всё дела, дела, дела.

Ведь старый лев был царь зверей, Хозяин гор, лесов, полей. Был повелитель. В его воле И смех, и слёзы, радость, горе. Смеялся он — все хохотали, Грустил в тоске — и все страдали.

Все слепо подчинялись силе. Лев становился всё ворчливей. Чтоб ни рычал, ему в ответ Кричали «Да!», боялись «Нет». Терпеть не мог он чёрной масти, Всех неугодных рвал на части.

Лев жаждал Славы, жаждал Чести. Слугой был тот, в ком больше лести. Кто не жалел любых похвал, Кто восхвалял льва ум и дар. Лев говорил: «Я очень стар!». Но хором все: «Ты суперстар!»

В ворчании затерялся разум. Всё сотворить пытался сразу. Оставить вздумал он потомкам,

Как сам расправился с ягнёнком. При этом говорил: «В бою Пролил не зря я кровь свою!»

Вдруг вспомнил, как, наевшись вволю, Помог волу вспахать всё поле, Забыв сказать, что тот с испуга Голодный не оставил плуга. Он возрождал, он направлял. Он сам себя ещё не знал. Ведь он герой, творец побед... Врач выслушал. Диагноз — бред.

В морали стыд наш и позор. Нет оправданья, тупим взор. Ведь как любили мы героя... Теперь твердим: «Мы от застоя!».

Диверсант

Сэмом был за океаном, А у нас Семёном стал. Он лишь с виду невынослив, Худощав и ростом мал.

Полный курс спецподготовки Прошёл в школе ЦРУ, А в периоды застоя Был заброшен к нам в страну.

Здесь он быстро оклемался, Хоть сперва не по нутру Было пить по-русски водку, Без закуски, поутру.

Вскоре шлёт радиограмму Зашифрованную, в ней: «Приступил уже к заданию И вербую «корешей».

У прилавков магазинов Потолкавшись в часы пик, Брал агентов у пивточки По паролю: «На троих?»

Шли на дело всегда молча, Отрезая все «хвосты», И смолкали в подворотнях Их нетвёрдые шаги.

А на явочных квартирах Сэм червонцы не считал.

Сам обслуживал клиентов, Первым выпить предлагал.

Было море по колено И шумели камыши, Разрасталась агентура И в столице, и в глуши.

Всё твердят статьи в газетах: «Социальных нет корней!» А по всей стране шуруют Банды пьяных «корешей».

Только звон стоит стаканов, Одурманен стар и млад. И Семён шлёт телеграмму: «Полстраны завербовал!»

Содрогнулась контрразведка, Стала бдительней вдвойне. Стратегическое зелье Было поднято в цене.

Ведь нешуточное дело: Жизнь поставлена на кон, Но проклятые агенты Стали пить одеколон.

И уже бушуют страсти У народа: «Как же так? Почему «тройной» стал стоить, Как трёхзвёздочный коньяк?

И куда девалась паста, Порошок, шампунь, лосьон, Мясо, масло, сахар, сало, Овощ, фрукты, хлопок, лён?»

Но, сограждане родные, Вы ж поймите, что к чему. Специально ведь создали Вакуум назло врагу.

По последним оперсводкам, Вражья жизнь прёт под откос. От сплошного дефицита Он скупает дихлофос.

Стало тяжко в подворотнях, Ни к чему уже стакан. Вымирает агентура, Став вдыхать дихлорэтан.

Год назад Сэм врезал дуба. И последнюю, в бреду, Послал в центр радиограмму: «Всё! Так больше не могу!»

* * *

Когда встаю утром с дивана, Не помогает и «Тик-так». Зачем, скажите мне, так рьяно Вчера болел я за «Спартак»?

Закрыта Лига чемпионов, Вчерашний помню разговор, Когда сосед спросил, рыдая: «Кто нам заплатит за позор?!»

Я вам не скажу за всю Россию, Вся Россия очень велика, Но от Петербурга до Сибири Не нашлось ребят для «Спартака».

С Бразилией наладив связи, Мы нахватали «диких роз». Наивно, видно, полагали, Что станут русскими всерьез.

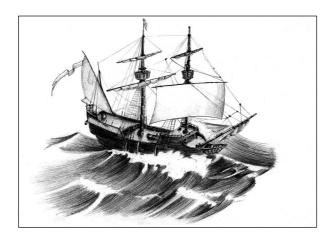
Зачем летать за океаны, Готовы ведь давно тылы: Чудови хлопцы в Украине И парни бравые – сябры.

Черёмуха давно увяла, И пожелтел уже каштан. С мечтой о Лиге чемпионов Опять ложусь на свой диван.

Опять во мне бушуют страсти, И надо, надо, надо гол! Сосед за стенкой пьёт от счастья, Ведь мы болеем за футбол.

Я всё ж, скажу за всю Россию. Да, Россия очень велика, Но от волн Невы до волн Амура Ждут побед ребят из «Спартака».

СВОЯ ВОЙНА

* * *

Могилы. Братские могилы, Нашей памяти стон среди ночи, Нашего сердца незажившие раны, Нашей совести – посмертно награды. * * *

В бессмертии – упрёка нет судьбе, В бесстрашии – легенды и былины...

И вновь в последний бой идут Безусые мальчишки... Heт! Мужчины! Они, свой страх презрев, идут вперёд. Пусть стынет в жилах кровь, немеют ноги...

Но молча передёрнутый затвор Свои выводит некрологи.

* * *

Никто её так не любил, Ту землю, пахнущую мятой, Как тот, кто грудью шёл на танк И подрывал себя гранатой.

Никто так небо не любил, Как тот, кто знал, что жить – минута, И вёл горящий самолет, Забыв о стропах парашюта.

Никто так море не любил, Как тот, кто смерти улыбался, Кто, до конца исполнив долг, В отсеке тесном задыхался.

Никто, нигде и никогда Так не любил, так не сражался, Как те, кто нам оставил жизнь, Кто в нашей памяти остался!

Камера смерти

Вот и всё. Конец мучениям. По всему телу тупая боль. Здесь протянулась зона смерти, Жизнь позади, я – за чертой.

Лишь стону сердца отзовётся Глухое эхо мрачных стен... А мне секунды бьют по нервам: Одна, две, три, четыре, пять, Шесть, семь...

Сил нет подняться, пол холодный. Спасибо памяти – жива. Опять слюну глотаю с кровью... Сто, сто один, сто два...

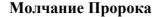
Себя я вспоминаю в детстве Смешным, беспечным, лет пяти, Как было далеко до смерти... Пятьсот сорок два, Пятьсот сорок три...

Вот школа старая у рощи И добрые учителя. Вы научили жить и видеть... Тысяча сто один, Тысяча сто два...

Работа, первое свидание, И первый поцелуй, как мёд... Воды бы каплю, губы ссохлись... Четыре тысячи шестьсот девяносто девять, Четыре тысячи семьсот...
Рождение сына – праздник в доме,
И первый шаг его, шаги...
В последний раз увидеть солнце б...
Семь тысяч триста двадцать два,
Семь тысяч триста двадцать три...

Всё оборвалось в воскресенье... Первый обстрел.... Первый налёт... Я убивал, я ненавидел... Двенадцать тысяч семьсот девяносто девять, Двенадцать тысяч восемьсот...

Война! Будь проклята навеки! Ты жизни человеческой позор!.. Со стоном двери отворились. Прощайте, люди! Будьте счастливы! Тринадцать тысяч девятьсот.

Когда Пророк молчал, Порок калечил. Живые раны время не залечит. Сейчас, касаясь их, кричим от боли. И ищем гнев святой в своём безволии.

Ведь помним холод дней и мрак ночей, Когда огонь тлел траурных свечей, Когда от крови слепли и неволи, Когда на тыщи вёрст — людское горе.

Мы ж стоном затыкали свои уши, А правда уж хрипела от удушья. А тот, кто был ей верен до конца, В награду получал плевок свинца.

А мы плевали ложью на их прах. Могилы рыли им на пустырях И забывали, словно и не жили, А совесть свою в водке мы топили.

Но проклят был для нас заздравный тост, Распята Вера, как Иисус Христос, Когда нас грабили, мы гимны пели, Во лжи увязнув по колени.

Теперь, как нищие среди имущих, Стоим среди берёз и ив плакучих, Детей рожая мёртвых и больных Среди героев праздных и слепых.

Где силы взять, чтобы подняться вновь, Чтобы поверить в Правду и Любовь, Чтоб Ложь ушла из сердца навсегда, А Совесть незапятнанной жила?

Никто

Я не живу, Не умираю, Я не люблю И не страдаю. Я не смеюсь И не грущу, Я не теряю И не ищу.

Кто я?
Я – некто! Я – никто! Я там, где Смерть Венчает Зло.
Я там, где Совесть Угасла в сердцах.
Я там, где Правда В чёрных крестах.

Не верю я, Не отрицаю, Не предаю, Не обещаю. Не защищаю И не виню. Не милую И не казню. Не покупаю, Не продаю, Не провожаю И встреч не жду. Не успеваю И не спешу. Не предлагаю И не прошу. Я не бунтарь И не святой. Я не тихоня И не блатной. Не тунеядец И не рабочий. Я не тиран И я не кормчий.

Кто я?
Я – некто! Я – никто! Я там, где Смерть Венчает Зло.
Я там, где Совесть Угасла в сердцах.
Я там, где Правда В чёрных крестах.

* * *

Мы утверждали жизнь свою штыками. Мы спорили до хрипоты свинцом, А правда наша чёрными крестами Всё чаще заходила в чей-то дом.

Шёл брат на брата, шёл отец на сына, А матери седели от резни. И задыхались кони от галопа, И пепел покрывал ковыль в степи.

Родить Земля от боли перестала И взять бы плуг, но всё не слезть с седла. Видать, от войн нам навсегда осталось Кричать «Ура!» иль шашкой – от плеча.

* * *

Святая Русь! К страданиям терпима, Тех прокляни, кто боль твою забыл, Кто чёрствой порослью бурьяна Покрыл останки неоплаканных могил.

* * *

Храм разрушен. Матерь божья! Без тебя осиротели. Завет божий позабыли И не те псалмы запели.

У священных колоколен Языки повырывали, А иконы, матерь божья, Затоптали, заплевали.

Отреклись во имя цели, Но построить не сумели На развалинах собора Стены праведного дома.

С глухим стоном: «Эх, дожить бы!» Шепчем новые молитвы.

Стена

Дворец мечты был – стал шалаш. Был идеал, а стал мираж... Мы так устали от вранья... И разделила нас стена.

Стена стыда и наших бед, Стена безжалостных побед. Мы столько лет плечом к плечу Кирпич ложили к кирпичу Ильичу!

Срываясь в хрип в теченье дня, Виним друг друга, не себя. Наверно, выжили с ума... И выше всё растёт стена.

Стена из хамства, грязных слов, Из беспокойных, нервных снов. Стена надменных, хмурых лиц, В которой щели для бойниц, Убийц!

Не знаем, что там впереди, И кто на истинном пути, Но нас в залог берут, как в плен, И строят лабиринты стен.

Из стен раздора и вражды, И стен лишений и нужды, Где позабыты честь и долг, Где позабыты чёрт и бог.

Наркомовские

Наркомовские пью зло, как умею. И здесь всё на войне, как на войне. Как знать, может, и мне хмельному Придётся пасть на этой высоте. Но что гадать, когда налита фляга. Жизнь не отдам за понюх табаку. В подсумке есть последняя граната, И я сумею выдернуть чеку.

Но это будет завтра, если будет. Сейчас же пью за упокой души, А ты ко мне подсядь поближе И выпить со мной вместе поспеши. Давай, друг, выпьем, жизнь не вечна, В ней не понять, кто перед кем в долгу, И если от полка из боя вышла рота, В том не ищи свою вину.

Давай же пей и не скули о павших, Кто выживет, когда-нибудь поймет, Что лишь хмельным он в схватке рукопашной Мог штык по рукоять вогнать в живот. Мог глотки рвать руками и зубами, Мог кровью харкать в ледяной воде Или рвануть с окопа против танка, Последнюю гранату сжав в руке ...

Так выпей же и станет легче... Но что за кровь вскипела у виска?! Прости! Вот и тебя «шальная»... Не дала сделать даже и глотка.

Призраки

Что стало, как случилось вдруг? Не различить, где враг, где друг? Войны негласной признаки И люди, словно призраки. Мечтою изувечены, Надеждой искалечены. Не излечить, их, видимо: Их видимо-невидимо.

В своей стране, как нищие, Стоят с утра за пищею Рядами и колоннами, С молитвами и стонами. Но всё ещё доверчивы, Наивны, опрометчивы. Готовы за «великими» Дела творить «великие».

Им, видимо, так нравится — «Царям» и пулям кланяться, Беседовать, как с милыми, С безмолвными могилами. Убогие, забытые, Голодные, немытые... Кляня себя и ближнего, Всё ждут суда Всевышнего.

Память

Ю. Короленко

И снова камни, взрывы, гарь развалин. И вновь кто-то убит, а кто-то ранен. И снова закружилась войны вьюга, И снова не понять, чья в том заслуга.

Ночами просыпаюсь я от боли. Я прожитым в Афгане, видно, болен. Там не было и двадцать лет на брата, И память воскрешает всех, ребята!

И вновь ведёт конвой за перевалы Усталые, как люди, караваны. Где снова снайпер, мины иль засада, Где снова поджидает смерть солдата.

И вновь глоток воды и ругань матом, И вновь через ущелье за комбатом, И снова стоны, кровь и раны, И вновь уходят «чёрные тюльпаны».

Давайте стоя помолчим минуту... Вина нальём покрепче мы друг другу, Не чокнувшись, осушим все бокалы В память тех, кто воевал в Афгане.

У каждого своя война

Ветеранам всех войн

Победный май зажёг свою звезду, Залпом орудий обозначил дату. И каждый год, тесней сомкнув ряды, Идут солдаты к «Неизвестному солдату».

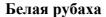
В далёкий славный 45-й год Казалось: стихнет боль, затянет раны, И в мире заживёт народ-герой, Но с каждым годом всё моложе ветераны.

Они стоят у Вечного огня, Отмеченные смертью ветераны, На гимнастёрках – боевые ордена, Под гимнастёрками лишь ноющие раны.

У каждого была своя война. Одна на всех – лишь преданность присяге, И поколенья пишут кровью имена В бессмертной «Книге воинской отваги».

И помянуть, как водится, сто грамм Они подымут, и послышится со вздохом: «Пал смертью храбрых дед мой под Москвой»,.. «Мой внук погиб геройски под Моздоком»...

Они стоят у Вечного огня, Отмеченные смертью ветераны, На гимнастёрках – боевые ордена, Под гимнастёрками лишь ноющие раны.

Вдали от Отчизны и Тихого Дона Тускнели шевроны, тускнели погоны, Но лебедем белым над миром витала Казацкая доблесть, казацкая слава.

В сражениях, в походах, годами, веками Роднились Геройство и Честь с казаками. Вели атаманы, не ведая страха, Их в бой за Отечество в белых рубахах.

Когда чёрной тучей беда подступала, Сметала всю нечисть казацкая лава. И песня летела над степью, как птица, Казацкая удаль не знала границы.

В сражениях, в походах, годами, веками Роднились Геройство и Честь с казаками. Вели атаманы, не ведая страха, Их в бой за Отечество в белых рубахах.

Шумят вновь ветра от Амура до Дона. Идёт возрожденье казацкого рода. Так встанем же в строй, приумножим былое! Веди, атаман, свое Войско Донское!

Чтоб верой и правдой служить нам Отчизне, Ценить чтобы честь, выше собственной жизни! Чтоб рядом был друг без упрека и страха, И белой была наготове рубаха.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КАПИТАН	
В туманной дымке скрылся берег	5
Тревога	6
Мне не жить без тебя и дня	7
Кораблю	8
Причалы	9
Отозвалась тактом музыки эстрада	10
Не до театра	11
На рейде	12
Если море пенится	13
Прости	15
Потерянный вкус	16
Бумажный флот	18
Флагман	19
«Безукоризненный»	21
Туманный сигнал	22
«A30B»	23
«Красный Кавказ»	24
Тельняшка	25
От обиды и боли	26
Дочкина обида	28
Капитан	29
Крамола	30
Я горд своим званьем	31
К меридианам грёз	32
Белый лебедь, чёрный гриф	33
Я покидаю этот южный край	34
ЖИЗНЬ – ИГРА	
Когда уходит солнце вдаль	35
Я хочу тебя видеть	37
Как часовые на посту	38
Проходит жизнь, не замедляя	39
Вы вилели как голуби летают?	40

Любовь не строит замки и хоромы	41
Лишь только ветер упрямо	42
Если я надоел, скажи	43
Балтийский пляж	44
Я был слепым	47
Сезон дождей	48
Дождь так спешил	49
Я долго ждал, настал мой час	50
Мне снег тихонько падал на ладонь	51
Одиночество	52
Пусть никто не приходит	53
Утро	54
Что творится со мной?	55
Возвращение	56
Я дружбу свёл с бессонными ночами	57
Одиноко раскинув шатры	58
Забыла баня запах пара	59
Без лица	60
Прости	61
Как же трудно признать	62
Незнакомка	63
Пронесся горький ветер надо мной	64
Ах, дуэли, дуэли!	65
Ушёл из дома	67
Табор	68
Кони	69
Непогода	70
Под вуалью, как в лёгком тумане	71
Загнанный зверь	72
Виктория	73
Туман нежно ласкает реку	75
Жизнь – игра	76
Что мне хмуриться?	77
Закружила осень	78
Всё на бегу	79

Как вернуть себе то	80
По решению суда	81
Маленький каприз	82
Я пришёл – не гони	83
Как стало больно, одиноко вдруг	84
Отравил я себе, отравил	85
Обнажает сады, не таясь, листопад	87
Третья ночь и опять без сна	88
Дружбы нет неверной	89
Школьные годы	90
Срывали голос петухи до хрипоты	92
Я знаю всех	94
У дороги венки	95
С первым школьным звонком	96
Бабье лето	97
Любовь - не привычка	98
Взрывался искрами весёлыми	99
Волнующий и долгожданный миг	100
Маршрут 162	101
На посошок	103
Три повести	105
Фронтовик	106
СЛЕПЫЕ ВОЛКИ	
Зоопарк	107
Слепые волки	109
Хроника событий	112
Стайер	114
Дублёр	115
Седая грива	117
Диверсант	119
Когда встаю утром с дивана	122
СВОЯ ВОЙНА	
Могилы. Братские могилы	124
В бессмертии – упрёка нет судьбе	125
Никто её так не любил	126

Камера смерти	127
Молчание Пророка	129
Никто	130
Мы утверждали жизнь свою штыками	.132
Храм разрушен. Матерь божья!	133
Стена	134
Наркомовские	135
Призраки	136
Память	137
У каждого своя война	138
Белая рубаха	139

Щука Александр Петрович

Капитан...

Сборник стихов

Сдано в набор 2018. Подписано в печать 2018. Формат 60х84/16. Усл. п. л. 8,37. Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № . Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир» г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55. тел.: (863) 234-19-67

E-mail: oooaltair office@mail.ru